

УДК 342.4

DOI: 10.19073/2658-7602-2026-23-2-267-281

EDN: BUNKGH

Оригинальная научная статья

Адаптация конституционного порядка к режиму нормализованной чрезвычайности: сравнительно-правовое исследование

С. Ю. Поярков

ФГУП «ВНИИФТРИ», Менделеево, Московская область, Российская Федерация

✉ psu@vniiftri.ru

Аннотация. Современные конституционные порядки все чаще функционируют в условиях устойчивой структурной чрезвычайности, вызванной пандемиями, вооруженными конфликтами, террористическими угрозами и климатическими катастрофами. В отличие от классической модели временного отклонения от нормального правопорядка чрезвычайные меры сегодня институционализируются и превращаются в элемент повседневного управления, что ставит под угрозу само ядро конституционной легитимности. В этих условиях возникает фундаментальное противоречие: с одной стороны, государство должно обладать способностью к гибкой и оперативной реакции на кризисы; с другой – любая адаптация не должна подрывать принципы верховенства права, разделения властей и уважения неотчуждаемых прав человека. Целью настоящего исследования является выявление конституционно-правовых условий, при которых адаптация к перманентной чрезвычайности остается легитимной и не превращается в системную эрозию конституционного строя. Для достижения поставленной цели использован комплекс методов: сравнительно-правовой анализ судебной практики (Колумбии, Южной Кореи, Индии, Европейского Суда по правам человека, США), нормативно-доктринальный подход, институционально-функциональный анализ. В ходе исследования выделены три ключевых компонента нормативного ядра конституции, которые не подлежат легитимному ограничению даже в условиях официально введенного чрезвычайного положения: абсолютные права человека (право на жизнь, запрет пыток, защита человеческого достоинства); институциональные гарантии демократического конституционализма (независимость судебной власти, разделение властей, избирательная легитимность); принцип верховенства права (предсказуемость регулирования, равенство перед законом, обязательность судебного контроля). На основе этих компонентов сформулированы операционализируемые критерии различения легитимной адаптации и конституционной эрозии. В качестве конструктивного результата предложена модель конституционной устойчивости через институционализированную гибкость, предполагающая не отказ от адаптации, а ее строгое процедурное оформление: автоматическое прекращение действия чрезвычайных мер по истечении срока (*sunset clauses*), обязательное мотивированное продление полномочий парламентом, проведение публичной оценки воздействия на права человека, усиление проактивной роли конституционных судов. Особое значение придается международно-правовым стандартам Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Международного пакта о гражданских и политических правах, которые устанавливают непреодолимые границы для любых отступлений от прав.

Ключевые слова: нормализованная чрезвычайность; конституционная адаптация; нормативное ядро конституции; конституционная эрозия; закатные положения; проактивный конституционный контроль; верховенство права; конституционная устойчивость

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Поярков С. Ю. Адаптация конституционного порядка к режиму нормализованной чрезвычайности: сравнительно-правовое исследование // Сибирское юридическое обозрение. 2026. Т. 23, № 2. С. 267–281. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-267-281>. EDN: <https://elibrary.ru/bunkgh>

Original scientific article

Adapting the Constitutional Order to a Regime of Normalized Emergency: A Comparative Legal Study

S. Yu. Poyarkov

FSUE «VNIIFTRI», Mendeleyevo, Moscow Region, Russian Federation

✉ psu@vniiftri.ru

Abstract. Contemporary constitutional orders increasingly function under conditions of persistent structural emergency caused by pandemics, armed conflicts, terrorist threats, and climate disasters. Unlike the classical model of a temporary departure from the normal legal order, emergency measures today are becoming institutionalized and are being transformed into an element of everyday governance, thereby threatening the very core of constitutional legitimacy. Under these conditions, a fundamental contradiction arises: on the one hand, the state must possess the capacity to respond to crises flexibly and promptly; on the other hand, any adaptation must not undermine the principles of the rule of law, the separation of powers, and respect for inalienable human rights. The aim of this study is to identify the constitutional and legal conditions under which adaptation to permanent emergency remains legitimate and does not turn into systemic erosion of the constitutional order. To achieve this aim, the study employs a set of methods: comparative legal analysis of judicial practice in Colombia, South Korea, India, the European Court of Human Rights, and the United States; a normative and doctrinal approach; and institutional and functional analysis. The study identifies three key components of the normative core of the constitution that may not be legitimately restricted even under an officially declared state of emergency: absolute human rights, including the right to life, the prohibition of torture, and the protection of human dignity; institutional guarantees of democratic constitutionalism, including judicial independence, separation of powers, and electoral legitimacy; and the principle of the rule of law, including the predictability of legal regulation, equality before the law, and mandatory judicial review. On the basis of these components, the article formulates operationalizable criteria for distinguishing legitimate adaptation from constitutional erosion. As a constructive result, it proposes a model of constitutional resilience through institutionalized flexibility. This model does not imply a rejection of adaptation; rather, it requires that adaptation be placed within a strict procedural framework: the automatic expiration of emergency measures after a specified period, or sunset clauses; mandatory reasoned renewal of emergency powers by parliament; public assessment of the impact on human rights; and an enhanced proactive role for constitutional courts. Particular importance is attached to the international legal standards of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the International Covenant on Civil and Political Rights, which establish insurmountable limits on any derogations from rights.

Keywords: normalized emergency; constitutional adaptation; normative core of the constitution; constitutional erosion; sunset clauses; proactive constitutional review; rule of law; constitutional resilience

Conflict of interest. The Author declares no conflict of interest.

For citation: Poyarkov S. Yu. Adapting the Constitutional Order to a Regime of Normalized Emergency: A Comparative Legal Study. *Siberian Law Review*. 2026;23(2):267-281. DOI: <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2026-23-2-267-281>. EDN: <https://elibrary.ru/bunkgh> (In Russ.)

СОДЕРЖАНИЕ

I. Введение	269
II. От исключения к перманентности: трансформация чрезвычайных режимов в условиях кризисной нормальности	271
III. Нормативное ядро конституции как предел адаптации: критерии и индикаторы эрозии ..	273
IV. Институционализация адаптивности: конституционные механизмы предотвращения эрозии	275
V. Заключение	278
Список литературы	279

I. ВВЕДЕНИЕ

Современное конституционное право сталкивается с фундаментальным вызовом, обусловленным трансформацией природы чрезвычайных ситуаций: пандемии, террористические угрозы, вооруженные конфликты и климатические катастрофы перестают восприниматься как временные отклонения от нормального правопорядка и превращаются в устойчивые структурные элементы политической и правовой реальности. Этот глобальный сдвиг требует переосмысления классических конституционных конструкций, в частности, конструкций, связанных с режимами чрезвычайного положения, которые традиционно предполагали строгую временность, ограниченность по содержанию и подконтрольность парламенту и суду. Однако сегодня наблюдается устойчивая тенденция, при которой исключительное состояние становится нормой, а норма – исключением. Именно этот феномен, получивший в доктрине наименование «нормализация исключительного состояния», был впервые последовательно описан Дж. Агамбенom, который указал, что современное государство все чаще функционирует в режиме постоянной чрезвычайности, при котором правовые гарантии оказываются в зоне неопределенности между публичным правом и политическим фактом [1]. Эта концепция получила дальнейшее развитие в работах У. Шойермана, который подчеркивал, что постглобализационная эпоха характеризуется не только частыми кризисами, но и системной институциона-

лизацией кризисного управления, в рамках которого чрезвычайные полномочия становятся стандартным инструментом исполнительной власти [2].

В этих условиях возникает острое и, по сути, парадоксальное противоречие, лежащее в самой основе современного конституционализма. С одной стороны, от государства объективно требуется способность гибко, оперативно и эффективно реагировать на быстро развивающиеся угрозы, что предполагает определенную степень адаптивности его институтов и процедур. С другой стороны, именно эта необходимость приспособления создает беспрецедентные риски для самого ядра конституционного порядка – принципов верховенства права, разделения властей, независимости судебной власти и, что наиболее важно, для неотчуждаемых прав и свобод человека. Расширение дискреционных полномочий исполнительной власти, сопровождаемое «замораживанием» или формализацией демократических процедур, таких как парламентский надзор и судебный контроль, может привести не к временной корректировке, а к деградации конституционной системы, ее постепенной эрозии изнутри.

Именно данное фундаментальное напряжение и определяет проблему настоящего исследования, заключающуюся в выявлении тех конституционно-правовых условий и механизмов, которые позволяют конституционному порядку адаптироваться к реалиям устойчивой, перманентной чрезвычайности, не теряя при этом легитимности и не подрывая

собственного нормативного ядра. Это требует четкого ответа на два взаимосвязанных вопроса. Во-первых, каким образом конституция может быть гибкой, не становясь при этом пустой формой, лишенной содержания? Во-вторых, где проходит та тонкая, но принципиальная граница, которая отделяет легитимную адаптацию, необходимую для выживания и функционирования государства в условиях кризиса, от конституционной эрозии, ведущей к постепенному утверждению авторитарного правления и утрате демократических основ? Цель данной статьи состоит в определении этих условий и разработке критериев их разграничения.

Для достижения указанной цели ставятся следующие конкретные задачи. Первая задача состоит в анализе трансформации понятия чрезвычайного положения в условиях его нормализации, то есть в переходе от модели временного отклонения к модели устойчивого кризисного управления, что требует обращения к фундаментальному труду *Law in Times of Crisis: Emergency Powers in Theory and Practice* (2006) О. Гросса и Ф. Ни Аолайна, которые выделяют целый спектр моделей реагирования на чрезвычайные ситуации, включая те, что предполагают выход за рамки действующего права [3]. Вторая задача направлена на выявление конкретных признаков и механизмов, посредством которых происходит эрозия конституционного ядра. Здесь особенно важен анализ доктрины автократического легализма, предложенной К. Л. Шеппеле, которая описывает, как современные авторитарные лидеры используют формально легальные процедуры для систематического подрыва демократических

институтов [4]. Третья задача носит конструктивный характер и заключается в предложении модели институциональных «конституционных тормозов» – набора процедур и гарантий, способных обеспечить устойчивость конституционного порядка даже в условиях затяжной чрезвычайности. В этом контексте ключевое значение приобретает концепция устойчивой конституции (англ. *resilient constitution*), разрабатываемая Д. Дайценхаусом, который утверждает, что конституция должна быть способна не только выдерживать кризисы, но и адаптироваться к ним, оставаясь при этом верной своим основополагающим принципам [5].

Методологический арсенал исследования опирается на несколько взаимодополняющих друг друга подходов. Основу составляет сравнительно-правовой анализ, позволяющий выявить общие тенденции и национальные особенности реакции различных правовых систем на вызовы перманентной чрезвычайности. Особое внимание уделяется судебной практике, которая служит наиболее чувствительным индикатором состояния конституционного порядка. В качестве ключевых примеров рассматриваются решения Конституционного суда Республики Колумбии¹, который в ряде постановлений занял проактивную позицию по защите прав уязвимых групп в условиях пандемии [6], практика Конституционного суда Республики Корея, юриспруденция которого по вопросам чрезвычайных полномочий, закрепленных в ст. 77 Конституции Республики Корея, показывает баланс между необходимостью безопасности и защитой прав², а также практика Верховного суда Республики Индии, который, в частности,

¹ См.: *Colombia: Legal Response to Covid-19* / C. Bernal, D. González Medina, M. Barraza Díaz, S. Rubiano-Groot, N. Serrato Pedraza, D. Ramírez Pabón // *The Oxford Compendium of National Legal Responses to Covid-19* / ed. by J. King, O. L. M. Ferraz et al. 2021. URL: <https://oxcon.oup.com/display/10.1093/law-occ19/law-occ19-e34> (дата обращения: 23.10.2025).

² См.: *Won Y. A Nightmare of Emergency Martial Law in South Korea – Followed by Charges of Insurrection and Impeachment* // I-CONnect Blog. 2024. URL: <https://www.iconnectblog.com/a-nightmare-of-emergency-martial-law-in-south-korea-followed-by-charges-of-insurrection-and-impeachment/> (дата обращения: 23.10.2025).

в своих постановлениях по вопросам приостановления сроков исковой давности во время пандемии стремился смягчить ее негативные последствия для доступа к правосудию³.

Нормативно-доктринальный анализ позволяет интегрировать эти эмпирические данные в более широкую теоретическую рамку, опираясь на работы как зарубежных, так и российских ученых. Среди зарубежных авторов центральное место занимают работы М. Тушне, исследующего различные модели судебного контроля и их эффективность в защите социальных прав [7], а также труды К. Л. Шеппеле и Д. Дайценхауса, уже упомянутые выше. Среди российских исследователей необходимо отметить труды С. С. Алексеева [8], В. В. Гущина⁴, С. А. Старостина [9] и др., заложивших основы понимания правового регулирования чрезвычайных положений в российской доктрине. Наконец, институциональный и функциональный подходы позволяют не просто описывать правовые нормы, но и анализировать, как именно механизмы конституционного контроля и парламентского надзора функционируют (или дают сбой) в реальных условиях кризиса.

Научная новизна данного исследования заключается в трех взаимосвязанных аспектах. Во-первых, в статье предлагается ввести в научный оборот и всесторонне проанализировать понятие «нормализованная чрезвычайность» не только как эмпирическое наблюдение, но и как системный вызов для теории адаптивного конституционализма, требующий разработки новых аналитических инструментов. Во-вторых, работа направлена на разработку четких операционализируемых критериев, позволяющих различать легитимную адаптацию конституционно-

го порядка к кризису и его конституционную эрозию. Эти критерии выводятся из анализа судебной практики и доктринальных концепций и охватывают такие параметры, как наличие и эффективность положений об автоматическом прекращении действия чрезвычайных мер (англ. *sunset clauses*), качество парламентского надзора, степень судебной подконтрольности исполнительной власти и соблюдение прав, не подлежащих ограничению. В-третьих, на основе проведенного анализа обосновывается модель конституционной устойчивости через институционализированную гибкость, которая отходит от дихотомии «жесткость/гибкость» и предлагает видеть в гибкости не угрозу, а потенциальный ресурс укрепления конституционного порядка – при условии, что такая гибкость строго институционализирована и подконтрольна.

II. От исключения

К ПЕРМАНЕНТНОСТИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ РЕЖИМОВ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНОЙ НОРМАЛЬНОСТИ

Классическая дихотомия «норма/исключение», восходящая к политической теологии К. Шмитта, предполагает, что чрезвычайное положение представляет собой временное отклонение от правового порядка, вводимое сувереном в условиях экзистенциальной угрозы и подлежащее строгому ограничению по сроку и содержанию. Однако в условиях, характеризующихся множественностью, длительностью и взаимным перекрытием кризисов (будь то пандемии, вооруженные конфликты, миграционные потоки или климатические катастрофы), данная модель теряет объяснительную силу. Как отмечают О. Гросс и Ф. Ни Аолайн, современные кризисы редко укладываются в рамки «острого»

³ URL: <https://cdnbbsr.s3waas.gov.in/s3ec01748d6b6ed8e13f857ceaa6cfbdca/uploads/2023/09/2023090851.pdf> (дата обращения: 23.10.2025).

⁴ См.: Гушин В. В. Чрезвычайное положение: административно-правовой аспект : пособие. М. : ВНИИ МВД РФ, 1996. 73 с.

исключения, вместо этого они порождают «длительные состояния чрезвычайности», в которых временные меры приобретают устойчивый институционализированный характер [3]. У. Шойерман развивает эту мысль, указывая на переход от парадигмы временного отклонения к парадигме управляемой перманентности, в рамках которой чрезвычайные полномочия не отменяют норму, а становятся ее скрытым, но функционально доминирующим компонентом [10]. В этом контексте суверенитет перестает быть актом единовременного решения о введении исключения и превращается в постоянную практику управления рисками и угрозами через инструменты, изначально предназначенные для экстраординарных обстоятельств.

Эмпирические проявления этой нормализации чрезвычайности многообразны и носят системный характер. Пандемия COVID-19 послужила глобальным катализатором трансформации временных ограничений в постоянные режимы цифрового контроля [11]. В Израиле, например, использовавшиеся в 2020 г. меры цифрового слежения за перемещениями граждан в целях эпидемиологического надзора, основанные на положениях Закона Израиля «О полномочиях Службы общей безопасности (ШАБАК) по оказанию содействия в борьбе с коронавирусом»⁵, были признаны Верховным судом Израиля частично неконституционными, однако

сама логика применения систем массового наблюдения для обеспечения охраны общественного здоровья сохранилась и была положена в основу дальнейших законодательных инициатив в сфере электронного здравоохранения [12]. В Сингапуре синдромный надзор (отслеживание заболеваний по совокупности симптомов) и цифровые платформы, развернутые в ответ на пандемию, были интегрированы в долгосрочную национальную стратегию готовности к новым угрозам⁶. Аналогичным образом в Индии программы цифровой идентификации⁷ и национальные базы медицинских данных, внедренные в пандемический период, продолжают расширяться, формируя инфраструктуру управления на основе биометрических данных, которая уже не требует формального режима чрезвычайного положения для своего функционирования [13].

Подобная институционализация наблюдается и в сфере борьбы с терроризмом. Закон США «Патриотический акт»⁸, изначально принятый как временное расширение полномочий спецслужб, не только не утратил силы, но и стал основой для создания устойчивых механизмов превентивного контроля, включая сбор метаданных и расширенные полномочия по обыскам без ордера⁹. Во Франции Закон о разведке¹⁰, принятый после терактов в Париже, легализовал массовое электронное наблюдение, введя систему

⁵ URL: https://www.nevo.co.il/law_html/law01/502_316.htm (дата обращения: 23.10.2025).

⁶ См.: *Singapore Pandemic Preparedness and Response Framework* // Singapore Communicable Diseases Agency. 2025. URL: https://isomer-user-content.by.gov.sg/18/ade74388-de38-4ad1-ba24-c6af8a41acde/Singapore%20Pandemic%20Preparedness%20and%20Response%20Framework_2025.pdf (дата обращения: 23.10.2025).

⁷ См.: *Sharma A. Digital Health in the Aftermath of COVID-19* // Strategic Investment Research Unit, Invest India. 2025 URL: https://www.indembassyisrael.gov.in/pdf/Invest_India_Digital_Health_2_V4.pdf (дата обращения: 23.10.2025).

⁸ См.: *Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required To Intercept and Obstruct Terrorism (USA Patriot Act)* : public law 107–56—Oct. 26, 2001. URL: http://frwebgate.access.gpo.gov/cgi-bin/getdoc.cgi?dbname=107_cong_public_laws&docid=f:publ056.107.pdf (дата обращения: 23.10.2025).

⁹ См.: *Le Patriot Act: Coopération entre services chargés de la prévention et services chargés de la répression du terrorisme* : Rapport n° 263 (2005–2006) du Sénat français. URL: <https://www.senat.fr/lc/lc263/lc263.pdf> (дата обращения: 23.10.2025).

¹⁰ См.: *Loi relative au renseignement* : du 24 juillet 2015 n° 2015-912 // Légifrance. 2015. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000030931899> (дата обращения: 23.10.2025).

административного, а не судебного контроля за его применением, что, по сути, закрепило чрезвычайные методы в рамках обычного законодательства¹¹. Особенно показателен феномен военных, или специальных, режимов, вводимых без формального объявления чрезвычайного положения: ограничения свобод, усиленные полномочия силовых структур и режимы цензуры реализуются через специальные федеральные законы, указы или даже подзаконные акты, что позволяет избежать конституционных процедур и гарантий, предусмотренных для официально объявленного чрезвычайного положения.

Конституционные последствия такой трансформации носят глубокий и структурный характер. Прежде всего, происходит фундаментальное стирание границ между обычным и чрезвычайным правом. Чрезвычайные нормы перестают быть внешними по отношению к правовому порядку и становятся его неотъемлемой, хотя и скрытой, частью. Это ведет к смещению баланса в пользу исполнительной власти, которая получает устойчивые, плохо подконтрольные инструменты для вмешательства в права и свободы граждан под предлогом обеспечения безопасности или общественного порядка. Горизонтальные механизмы сдержек и противовесов — в первую очередь судебный и парламентский контроль — оказываются ослаблены: парламенты зачастую делегируют чрезвычайные полномочия правительству в условиях кризиса, а суды проявляют сдержанность в проверке мер, обоснованных соображениями безопасности. Вертикальные механизмы, такие как разграничение полномочий между центром и субъектами федерации, также подвергаются эрозии, поскольку кризисное управление требует централизации решений. В российском контексте, несмотря на наличие

Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»¹², который формально сохраняет шмиттовскую логику временного исключения, на практике наблюдается тенденция к достижению схожих целей через иные правовые конструкции, например, режим контртеррористической операции или антикризисные законодательные пакеты, которые позволяют обойти строгие конституционные процедуры введения чрезвычайного положения, одновременно обеспечивая широкие полномочия исполнительной власти. Таким образом, нормализация чрезвычайности не отменяет конституцию, но трансформирует ее изнутри, заменяя принцип верховенства права логикой управляемого исключения, в рамках которой постоянная готовность к кризису становится новой нормой.

III. НОРМАТИВНОЕ ЯДРО КОНСТИТУЦИИ КАК ПРЕДЕЛ АДАПТАЦИИ:

КРИТЕРИИ И ИНДИКАТОРЫ ЭРОЗИИ

Понятие «нормативное ядро конституции» функционирует в доктрине как аналитический инструмент, позволяющий идентифицировать те элементы конституционного строя, которые не подлежат ревизии даже в условиях чрезвычайных обстоятельств и не могут быть предметом легитимной трансформации через обычные процедуры формального конституционного изменения. В российской конституционно-правовой традиции указанное понятие тесно соотносится с категориями материального ядра конституции или конституционных ценностей, которые, по мнению Т. С. Масловской, образуют неизменяемый фундамент правопорядка, обеспечивающий преемственность и устойчивость конституционной идентичности [14]. С. Кабышев развивает эту идею, подчеркивая, что конституция

¹¹ См.: Chardel P.-A., Harvey R., Volat H. The French Intelligence Act: Resonances with the USA PATRIOT Act // Tech Science. 2016. URL: <https://techscience.org/a/2016031501/> (дата обращения: 23.10.2025).

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 23, ст. 2298.

представляет собой не только нормативный, но и ценностный код, в котором нормативное ядро выступает как стратегическая модель всей правовой жизни¹³. Операционализация этого понятия требует выделения конкретных компонентов, утрата или систематическое ослабление которых свидетельствуют о наступлении конституционной эрозии.

К первому такому компоненту относятся неотчуждаемые права и свободы человека, которые обладают статусом *jus cogens* и не подлежат ограничению даже в условиях официально введенного чрезвычайного положения. Статья 2 Конституции Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а также ст.ст. 20, 21 и 22, гарантирующие право на жизнь, достоинство и неприкосновенность личности и запрещающие пытки, насилие, другое жестокое или унижающее человеческое достоинство обращение, воспроизводят стандарты, закрепленные в ст.ст. 2, 3 и 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция). Указанные нормы носят абсолютный характер и не допускают никаких исключений, что подтверждается постоянной практикой Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). В деле Лупша против Румынии ЕСПЧ подчеркнул, что любое вмешательство в сферу частной и семейной жизни, даже в целях обеспечения общественного порядка, должно быть строго пропорциональным и основанным на законе, а использование секретных материалов, недоступных для оспаривания, ведет к нарушению ст. 8 Конвенции и, по сути, подрывает саму возможность судебной защиты неотчуждаемых прав¹⁴.

Вторым критическим элементом нормативного ядра выступают институци-

ональные гарантии демократического конституционализма. К ним относятся принцип разделения властей, независимость судебной власти и избирательная легитимность органов публичной власти. Независимость суда, как отмечает В. М. Лебедев, является не статической нормой, а динамическим процессом, требующим постоянного укрепления правовых и институциональных гарантий, включая функциональную, институциональную и материальную автономность судебных органов от исполнительной и законодательной ветвей власти [15]. В условиях нормализованной чрезвычайности именно эти гарантии подвергаются наиболее интенсивному давлению. Б. Акерман в своей концепции чрезвычайной конституции предупреждает, что механизмы чрезвычайных полномочий, изначально задуманные как временные, имеют тенденцию к нормализации, превращаясь в обычный инструментарий исполнительной власти и подрывая баланс властей [16].

Третьим компонентом является принцип верховенства права (англ. *rule of law*), который предполагает предсказуемость правового регулирования, равенство всех перед законом и обязательность судебного контроля за действиями публичной власти. Названный принцип является неотъемлемой частью как российской конституционной системы (ст. 15 Конституции РФ), так и общепризнанных стандартов Совета Европы. Его эрозия проявляется в конкретных, эмпирически фиксируемых признаках: 1) отсутствие четких временных рамок действия чрезвычайных мер; 2) игнорирование или сведение к формальности процедур парламентского и судебного контроля за исполнительной властью;

¹³ См.: Сергей Кабышев: Конституция – источник, ценностное, нормативное ядро и одновременно стратегическая модель всей правовой жизни // Справедливо.ru. 2023. URL: <https://spravedlivo.ru/13843510> (дата обращения: 23.10.2025).

¹⁴ См.: *Case of Lupsa v. Romania* (application № 10337/04) : Judgment of the European Court of Human Rights (Third Section) of 8 June 2006 // European Court of Human Rights. 2006. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-75688> (дата обращения: 23.10.2025).

3) тенденция к трансформации временных указов и распоряжений в постоянные административные регламенты без прохождения полноценной законодательной процедуры, что нарушает принцип законности; 4) неконтролируемое расширение дискреционных полномочий силовых структур, сопровождающееся отсутствием прозрачных и эффективных процедур подотчетности.

Судебная практика служит наиболее чувствительным индикатором состояния нормативного ядра, отражая либо его устойчивость, либо деградацию. Позитивным примером может служить позиция ЕСПЧ в деле «Гиллан и Куинтон против Соединенного Королевства»¹⁵, в котором признано, что полномочия полиции на допрос без наличия обоснованного подозрения, предоставленные разделом 44 Закона о терроризме 2000 г., не были предусмотрены законом в смысле ст. 8 Конвенции, поскольку отсутствовали достаточные гарантии от произвола, что привело к нарушению права на уважение частной жизни.

В противоположность этому негативные тенденции иллюстрирует практика США в период после событий 11 сентября 2001 г. Введение режима вражеских комбатантов и создание тюремного комплекса в Гуантанамо привели к фактическому приостановлению действия института *habeas corpus* – одной из древнейших и фундаментальных гарантий защиты от произвольного задержания. Хотя в деле Бумедьена против Буша¹⁶ Верховный суд США и восстановил территориальную применимость *habeas corpus*, сам факт его приостановления демонстрирует, как чрезвычайная риторика может привести к подрыву ядра конституционной защиты [17].

Особую обеспокоенность вызывает феномен отмены или систематического ослабления института конституционного контроля в режимах, демонстрирующих тенденцию к авторитаризации, в которых суды превращаются из элемента системы сдержек и противовесов в инструмент легитимации решений исполнительной власти, что приводит к подмене права волей правящей элиты.

IV. Институционализация

АДАПТИВНОСТИ:

КОНСТИТУЦИОННЫЕ МЕХАНИЗМЫ

ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЭРОЗИИ

Институционализация адаптивности представляет собой не просто техническое совершенствование процедурных механизмов, а фундаментальный сдвиг в парадигме конституционного регулирования кризисных ситуаций, направленный на предотвращение постепенной, но системной эрозии конституционного порядка под прикрытием исключительных обстоятельств. Эта эрозия, как показывает сравнительный анализ, зачастую происходит не в результате единовременного акта конституционного разрушения, а через накопление кратковременных, якобы необходимых отступлений от нормального правового режима, которые, утрачивая свой временный характер, становятся постоянными элементами правовой системы. Для противодействия этому процессу конституционная теория и практика вырабатывают комплекс «конституционных тормозов» – институтов, обеспечивающих легитимную гибкость, то есть возможность адаптации к вызовам без ущерба для ядра конституционной идентичности. Среди них наиболее действенными являются положения об автоматическом

¹⁵ См.: *Case of Gillan and Quinton v. the United Kingdom* (application № 4158/05) : Judgment of the European Court of Human Rights (Grand Chamber) of 12 January 2010 // European Court of Human Rights. 2010. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-118306> (дата обращения: 22.10.2025).

¹⁶ См.: *Boumediene v. Bush*, 553 U.S. 723 (2008) // Justia. 2008. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/553/723/> (дата обращения: 22.10.2025).

прекращении действия, или так называемые закатные положения (англ. *sunset clauses*), которые устанавливают автоматический механизм прекращения действия чрезвычайных мер по истечении заранее определенного срока. Классическим примером служит § 215 Закона США «Патриотический акт», который, несмотря на свой спорный характер, содержал встроенную временную границу, в связи с чем в 2015 г. срок его действия истек, что ограничило возможности для бесконтрольного сбора данных спецслужбами¹⁷. Как справедливо отмечают отдельные авторы, такие положения являются не простым выключателем, а функционируют как институциональный триггер, принуждающий законодателя к повторному, осознанному и публичному обсуждению необходимости и пропорциональности продления исключительных мер, тем самым восстанавливая демократический контроль над исполнительной властью [18; 19].

Этот механизм дополняется требованием обязательного парламентского продления чрезвычайных полномочий, сопровождаемого мотивированным обоснованием, которое должно продемонстрировать не только актуальность угрозы, но и необходимость применения именно этих мер, а также их соразмерность ущербу, причиняемому правам и свободам. Такой подход трансформирует чрезвычайное положение из режима, основанного на доверии к исполнительной власти, в режим, опирающийся на постоянную проверку и обоснование, что соответствует принципам правового государства. Более того, современные стандарты легитимности требуют проведения публичной оценки воздействия чрезвычайных мер на права

человека, что предполагает сбор и анализ эмпирических данных о реальных последствиях таких мер для различных социальных групп, их доступа к правосудию, свободы выражения мнений и других фундаментальных гарантий. Такая оценка превращает абстрактные нормы о пропорциональности в конкретный инструмент анализа, позволяя выявить скрытые или непреднамеренные последствия, которые способны подорвать саму основу конституционного строя.

Эта система внешних «тормозов» эффективна лишь в сочетании с проактивным конституционным контролем, роль которого в условиях кризиса принципиально меняется. Конституционные суды перестают быть пассивными арбитрами споров и превращаются в активных защитников ядра конституции, обязанность которых состоит в защите неотъемлемых прав и принципов даже тогда, когда политические институты склонны жертвовать ими ради мнимой безопасности. Наиболее ярким проявлением такого проактивного подхода является использование интеримных мер и структурных решений, которые направлены не на устранение единичного нарушения, а на реформирование всей системы, порождающей структурные угрозы правам уязвимых групп.

Опыт Конституционного суда Республики Колумбии, в частности его знаменитое решение T-760/08 по вопросам права на здоровье¹⁸, демонстрирует, как суд может не только констатировать нарушение, но и предписать властям комплексные меры по реформированию системы здравоохранения, установить четкие временные рамки для их выполнения и создать механизм независимого мониторинга соблюдения своих предписаний [20; 21].

¹⁷ См., напр.: *Wright A.* The Patriot Act's Sunset Recess // Just Security. 2015. URL: <https://www.justsecurity.org/23308/patriot-acts-sunset-recess/> (дата обращения: 23.10.2025); *Li K.* Section 215 of the Patriot Act Expected to Sunset in December // Harvard Journal of Law & Technology Digest. 2019. URL: <https://jolt.law.harvard.edu/digest/section-215-of-the-patriot-act-expected-to-sunset-in-december> (дата обращения: 23.10.2025).

¹⁸ URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2008/t-760-08.htm> (дата обращения: 23.10.2025).

Аналогичная судебная активность, наблюдаемая также в практике Конституционного суда Республики Корея, свидетельствует о переходе от ретроспективного контроля к проспективному управлению конституционными рисками, где суд выступает гарантом того, что кризис не станет предлогом для маргинализации целых слоев населения. В российской доктрине этот вопрос остается дискуссионным, однако растущее внимание к вопросам эффективности конституционного контроля в условиях системных вызовов указывает на потенциал для развития подобных проактивных инструментов, адаптированных к национальному правовому контексту [22].

Дополнительную, внешнюю по отношению к национальной системе защиты от эрозии обеспечивает интеграция международно-правовых опорных стандартов, которые фиксируют конституционный порядок в глобальном правовом пространстве, предотвращая его дрейф в сторону авторитарных практик. Ключевую роль здесь играют стандарты, разработанные ЕСПЧ и органами ООН. Резолюция 74/270 Генеральной Ассамблеи ООН от 2 апреля 2020 г., принятая в разгар пандемии COVID-19, недвусмысленно подчеркивает, что борьба с кризисом не может служить оправданием для дискриминации, расизма или ограничения прав на информацию, тем самым устанавливая минимальные стандарты поведения государств в чрезвычайных обстоятельствах¹⁹.

Еще более жестким ограничителем является принцип недопустимости отступления от неотъемлемых прав, закрепленный в ст. 15 Конвенции и ст. 4 Международного пакта о гражданских и политических

правах²⁰. Этот принцип проводит непреодолимую черту, за которой лежат абсолютные права – право на жизнь, запрет пыток и бесчеловечного обращения, запрет рабства, – не подлежащие ограничению ни при каких обстоятельствах, даже в условиях войны или опасности для жизни нации. В свою очередь, в ч. 2 ст. 55 Конституция РФ прямо запрещается принятие законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина, что в доктрине рассматривается как императив имплементации международных стандартов в сфере отступления от обязательств (англ. *derogation*) и как внутренний юридический барьер против любых попыток легализовать пытки или произвольное лишение жизни под предлогом чрезвычайной ситуации [23].

В перспективе институционализация адаптивности должна выйти на качественно новый уровень разработки и внедрения стандартизированных конституционных протоколов кризиса. Такие протоколы должны представлять собой не просто набор общих принципов, а детально проработанные, прозрачные и подконтрольные процедуры, применимые ко всем типам чрезвычайных ситуаций – от эпидемий и природных катастроф до гибридных угроз и экономических шоков. В протоколах должны четко определяться основания для введения исключительных мер, круг уполномоченных субъектов, предельные сроки их действия, механизмы парламентского и судебного надзора, а также процедуры немедленного прекращения мер при исчезновении угрозы. Критически важным элементом таких протоколов должно стать включение принципов межвременной справедливости и устойчивости (англ. *resilience*). Данный принцип,

¹⁹ См.: *Глобальная солидарность в борьбе с коронавирусом* 2019 года (COVID-19) : резолюция 74/270 Генер. Ассамблеи ООН от 2 апр. 2020 г. // Организация Объединенных Наций. 2020. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/74/270> (дата обращения: 23.10.2025).

²⁰ См.: *Международный пакт о гражданских и политических правах* : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генер. Ассамблеи от 16 дек. 1966 г. // Организация Объединенных Наций. 2025. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 23.10.2025).

как отмечают некоторые ученые, требует учитывать долгосрочные последствия кризисных решений для будущих поколений, предотвращая перекладывание экономических и социальных издержек на них [24].

В свою очередь, концепция конституционной устойчивости (англ. *constitutional resilience*), разрабатываемая А. Якабом, определяется как способность конституционной системы противостоять попыткам изменить или нарушить ее основополагающие элементы²¹. Интеграция этого принципа в протоколы означает, что каждая мера должна оцениваться как по критерию эффективности здесь и сейчас, так и по критерию влияния на способность конституционного порядка сохранять свою целостность и функциональность в долгосрочной перспективе, то есть после окончания кризиса. Таким образом, конституционные протоколы кризиса становятся не инструментом управления исключением, а инструментом его конституционализации, превращая хаос в управляемый, подотчетный и ограниченный процесс, в котором адаптивность служит не разрушению, а укреплению основ конституционного строя.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщение ключевых выводов, к которым привел анализ взаимодействия конституционного порядка и режимов чрезвычайности, позволяет констатировать принципиальную необходимость институционализации адаптационных механизмов и вместе с тем показывает, что такая адаптация не может быть безграничной. Конституционный порядок сохраняет легитимность и нормативную силу лишь в тех случаях, когда, несмотря на экстраординарные обстоятельства, соблюдается неприкосновенность его

нормативного ядра — совокупность неотчуждаемых принципов, включающих в себя разделение властей, верховенство права, неотъемлемость прав и свобод человека и гражданина, а также институциональную независимость судебной власти. Именно эти элементы составляют то, что в доктрине адаптивного конституционализма определяется как «конституционный минимум», за пределами которого любая трансформация становится деформацией, а не адаптацией. В этом смысле адаптация не тождественна безусловной гибкости, а представляет собой стратегически выверенный процесс, в котором временные отклонения от обычного правопорядка компенсируются усилением процедурных гарантий и внешнего контроля.

Нормализация исключительного состояния, наблюдаемая в ряде современных юрисдикций, представляет собой не просто временное отступление от конституционных норм, а устойчивую тенденцию к институционализации чрезвычайности как нового порядка. Такой подход может вести к формированию двойного государства, в котором формальные конституционные гарантии сосуществуют с неформальными режимами чрезвычайного управления. Данная трансформация требует не реактивного, а проактивного конституционного проектирования, поскольку традиционные механизмы сдержек и противовесов оказываются недостаточными в условиях, когда чрезвычайные полномочия становятся обыденной практикой. Проактивность в данном случае означает заблаговременную разработку четких критериев введения, продления и отмены чрезвычайных мер, а также институционализацию независимого надзора, включающего обязательный парламентский и судебный контроль, а также

²¹ См.: *Jakab A. Constitutional Resilience* // Max Planck Encyclopedia of Comparative Constitutional Law (MPECCoL) / eds.: R. Grote, F. Lachenmann, R. Wolfrum. Oxford : Oxford University Press, 2022. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4656217 (дата обращения: 23.10.2025).

участие международных надзорных органов в рамках обязательств по международным договорам.

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается в развитии концепции адаптивного конституционализма за счет введения дифференцированного подхода к кризисным сценариям. В отличие от традиционных моделей, рассматривающих чрезвычайность как монологическое явление, предлагаемый концептуальный подход различает краткосрочные, среднесрочные и структурные кризисы, каждому из которых должны соответствовать специфические институциональные ответы. К примеру, в случае эпидемий или стихийных бедствий уместны временные и целенаправленные ограничения, тогда как в условиях геополитической нестабильности или системных экономических кризисов требуется более глубокая институциональная перестройка, не затрагивающая при этом конституционное ядро. Подобный подход позволяет избежать универсализации чрезвычайных мер и способствует повышению их легитимности, поскольку каждая мера соотносится с конкретным характером угрозы и соразмерна ей. В этой связи следует подчеркнуть, что адаптивный конституционализм не является оправданием авторитарных сдвигов, а, напротив, представляет собой инструмент защиты демократического конституционализма в условиях политико-правовой турбулентности.

Практическая значимость исследования проявляется в возможности применения его выводов в нормотворческой и судебной практике. Предложенные механизмы, такие как институт «конституционных тормозов» – процедур, автоматически ограничивающих срок действия чрезвычайных мер без явного одобрения законодательного органа, могут быть инкорпорированы в конституционное законодательство. Аналогичные институты уже функционируют в ряде стран: например, в Германии действие чрезвычайных полномочий подлежит немедленному пересмотру Бундестагом, а Конституционный суд Южно-Африканской Республики обладает правом немедленного пересмотра любых актов, принятых в условиях чрезвычайного положения. В российском контексте подобные меры позволили бы преодолеть существующий дисбаланс между исполнительной и законодательной властью в кризисных ситуациях, зафиксированный в положениях ст. 88 Конституции РФ, согласно которым роль Федерального Собрания сводится к формальной констатации уже введенного режима. Кроме того, разработанные критерии соразмерности и необходимости могут быть использованы как Конституционным Судом Российской Федерации, так и ЕСПЧ при оценке законности ограничений прав в чрезвычайных обстоятельствах, что особенно актуально в свете сложившейся в период пандемии практики и последующих геополитических потрясений.

Список литературы

1. Agamben G. *State of Exception*. Chicago: University of Chicago Press, 2005. 104 p.
2. Scheuerman W. E. Emergency Powers and the Rule of Law after 9/11 // *Journal of Political Philosophy*. 2006. Vol. 14, № 1. P. 61–84.
3. Gross O., Ni Aoláin F. *Law in Times of Crisis: Emergency Powers in Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 485 p.
4. Scheppele K. L. Autocratic Legalism // *University of Chicago Law Review*. 2018. Vol. 85, Iss. 2, Art. 2. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/uclrev/vol85/iss2/2> (дата обращения: 24.10.2025).
5. Dyzenhaus D., Diamond A. *The Resilient Constitution / in: Constitutionalism: Old Dilemmas, New Insights* / ed. by A. Linares Cantillo. Oxford: Oxford University Press, 2021. 277 p.
6. Leani L. COVID-19, Scarce Health Resources Allocation and Standard View of Disability: On the Colombian Constitutional Court's Judgement T-237 of 2023 // *Medical Law International*. 2025. Vol. 25, № 3. P. 259–271.

7. Tushnet M. *Weak Courts, Strong Rights: Judicial Review and Social Welfare Rights in Comparative Constitutional Law*. Princeton: Princeton University Press, 2009. 312 p.
8. Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 1. 361 с.
9. Старостин С. А. Чрезвычайное положение: монография. М.: Проспект, 2019. 120 с.
10. Scheuerman W. E. Emergency Powers // *Annual Review of Law and Social Science*. 2006. Vol. 2. P. 257–277.
11. Варламова Н. В. Пандемия COVID-19 как вызов конституционному правопорядку // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2020. № 6 (139). С. 17–30.
12. Babbar M., Agrawal S., Hossain D., Husain M. M. Adoption of Digital Technologies amidst COVID-19 and Privacy Breach in India and Bangladesh // *Policy Design and Practice*. 2023. Vol. 6, № 1. P. 103–125.
13. Ramachandran A., Sarbadhikari S. N. Digital Health for the Post-COVID-19 Pandemic in India: Emerging Technologies for Healthcare // 2021 8th International Conference on Computing for Sustainable Global Development (INDIACom). New Delhi, India, 2021. P. 244–249.
14. Масловская Т. С. Материальное ядро конституции: правовой режим // *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины*. 2022. № 5 (134). С. 140–145.
15. Лебедев В. М. Гарантии независимости судебной власти в Российской Федерации: концепция, история становления и современное состояние // *Журнал российского права*. 2019. № 11. С. 5–24.
16. Ackerman B. The Emergency Constitution // *Yale Law Journal*. 2004. Vol. 113, № 5. P. 1029–1091.
17. Modjeska J. The Privilege of the Writ: The Supreme Court and Post-9/11 Detainee Habeas Corpus Entitlement // SSRN. 2010. URL: <https://ssrn.com/abstract=1672941> (дата обращения: 23.10.2025).
18. Ranchordás S. *Constitutional Sunsets and Experimental Legislation: A Comparative Perspective*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2014. 256 p.
19. Gangur P. A Framework for Conditional Sunset Clauses // *Review of European and Comparative Law*. 2025. Vol. 61, № 2. P. 179–191.
20. Fiero A. Protecting Health through Courts; Structural Judgments // *UNISANTA Law and Social Science*. 2025. Vol. 14, № 1. P. 6–11.
21. Yamin A. E., Parra-Vera O. Judicial Protection of the Right to Health in Colombia: From Social Demands to Individual Claims to Public Debates // *Hastings International and Comparative Law Review*. 2010. Vol. 33, № 2. P. 431–467. URL: https://repository.uclawsf.edu/hastings_international_comparative_law_review/vol33/iss2/4 (дата обращения: 24.10.2025).
22. Несмеянова С. Э. Опыт и перспективы развития конституционного контроля: отечественная и зарубежная практика // *European and Asian Law Review*. 2024. Т. 7, № 1. С. 24–34.
23. Яшина М. С. Категории «отмена» и «умаление» прав и свобод человека и гражданина в конституционной доктрине современной России // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2020. Т. 20, № 1. С. 97–107.
24. Teodoro J. D., Doorn N., Kwakkel J. et al. Flexibility for Intergenerational Justice in Climate Resilience Decision-Making: An Application on Sea-Level Rise in the Netherlands // *Sustainability Science*. 2023. Vol. 18. P. 1355–1365.

References

1. Agamben G. *State of Exception*. Chicago: University of Chicago Press; 2005. 104 p.
2. Scheuerman W. E. Survey Article: Emergency Powers and the Rule of Law after 9/11. *Journal of Political Philosophy*. 2006;14(1):61–84. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9760.2006.00256.x>
3. Gross O., Ní Aoláin F. *Law in Times of Crisis: Emergency Powers in Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press; 2006. 485 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511493997>
4. Scheppele K. L. Autocratic Legalism. *University of Chicago Law Review*. 2018;85(2):545–583.
5. Dyzenhaus D., Diamond A. The Resilient Constitution. In: Linares Cantillo A. (Ed.). *Constitutionalism: Old Dilemmas, New Insights*. Oxford: Oxford University Press; 2021. P. 277–309. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780192896759.003.0014>
6. Leani L. COVID-19, Scarce Health Resources Allocation and Standard View of Disability: On the Colombian Constitutional Court's Judgement T-237 of 2023. *Medical Law International*. 2025;25(3):259–271. DOI: <https://doi.org/10.1177/09685332251362388>
7. Tushnet M. *Weak Courts, Strong Rights: Judicial Review and Social Welfare Rights in Comparative Constitutional Law*. Princeton: Princeton University Press; 2008. 312 p.
8. Alekseev S. S. *General Theory of Law*. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1981. 359 p. (In Russ.)
9. Starostin S. A. *State of Emergency*. Moscow: Prospekt Publ.; 2019. 119 p. (In Russ.)
10. Scheuerman W. E. Emergency Powers. *Annual Review of Law and Social Science*. 2006;2:257–277. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.lawsocsci.2.061206.074644>
11. Varlamova N. V. COVID-19 Pandemic as a Challenge to Constitutional Legal Order. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 2020;6:17–30. DOI: <https://doi.org/10.21128/1812-7126-2020-6-17-30> (In Russ.)

12. Babbar M., Agrawal S., Hossain D., Husain M. M. Adoption of Digital Technologies amidst COVID-19 and Privacy Breach in India and Bangladesh. *Policy Design and Practice*. 2023;6(1):103-125. DOI: <https://doi.org/10.1080/25741292.2022.2162255>
13. Ramachandran A., Sarbadhikari S. N. Digital Health for the Post-COVID-19 Pandemic in India: Emerging Technologies for Healthcare. In: *2021 8th International Conference on Computing for Sustainable Global Development (INDIACom)*. New Delhi, 2021. P. 244–249.
14. Maslovskay T. S. The Material Core of the Constitution: The Legal Regime. *Proceedings of Francisk Scorina Gomel State University*. 2022;5:140-145. (In Russ.)
15. Lebedev V. M. Guarantees of Judicial Independence in the Russian Federation: Concept, History of Formation and Current State. *Journal of Russian Law*. 2019;11:5-24. DOI: <https://doi.org/10.12737/jrl.2019.11.1> (In Russ.)
16. Ackerman B. The Emergency Constitution. *Yale Law Journal*. 2004;113(5):1029-1091.
17. Modjeska J. The Privilege of the Writ: The Supreme Court and Post-9/11 Detainee Habeas Corpus Entitlement. SSRN. 2010. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1672941> (accessed 23.10.2025).
18. Ranchordás S. *Constitutional Sunsets and Experimental Legislation: A Comparative Perspective*. Cheltenham: Edward Elgar Publ.; 2014. 256 p.
19. Gangur P. A Framework for Conditional Sunset Clauses. *Review of European and Comparative Law*. 2025;61(2):179-191. DOI: <https://doi.org/10.31743/recl.18369>
20. Fiero A. Protecting Health through Courts; Structural Judgments. *UNISANTA Law and Social Science*. 2025;14(1):6-11.
21. Yamin A. E., Parra-Vera O. Judicial Protection of the Right to Health in Colombia: From Social Demands to Individual Claims to Public Debates. *Hastings International and Comparative Law Review*. 2010;33(2):101-129.
22. Nesmeyanova S. E. Experience and Prospects for the Development of Constitutional Control: Domestic and Foreign Practice. *European and Asian Law Review*. 2024;7(1):24-34. DOI: https://doi.org/10.34076/27821668_2024_7_1_24 (In Russ.)
23. Yashina M. S. Categories of “Abolition” and “Derogation” of Human and Civil Rights and Freedoms in the Constitutional Doctrine of Modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*. 2020;20(1):97-107. DOI: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-1-97-107> (In Russ.)
24. Teodoro J. D., Doorn N., Kwakkel J., Comes T. Flexibility for Intergenerational Justice in Climate Resilience Decision-Making: An Application on Sea-Level Rise in the Netherlands. *Sustainability Science*. 2023;18:1355-1365. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11625-022-01233-9>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Юрьевич Поярков, ученый секретарь ФГУП «ВНИИФТРИ» (промзона ФГУП «ВНИИФТРИ», р. п. Менделеево, г. Солнечногорск, Московская область, 141570, Российская Федерация), кандидат педагогических наук; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3304-2309>; ResearcherID: C-3780-2017; e-mail: psu@vniiftri.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey Yu. Poyarkov, Academic Secretary of the FSUE “VNIIFTRI” (industrial zone of the Federal State Unitary Enterprise “VNIIFTRI”, Mendeleyevo, Moscow region, 141570, Russian Federation), Candidate of Pedagogical Sciences; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3304-2309>; ResearcherID: C-3780-2017; e-mail: psu@vniiftri.ru

Поступила | Received
24.10.2025

Поступила после рецензирования
и доработки | Revised
27.11.2025

Принята к публикации | Accepted
28.11.2025